

КАРМА И НОВОЕ РОЖДЕНИЕ

Старость, болезни и смерть — вот что подгоняло Сидхартху Гаутаму в его поиске, и то, что он постиг, став Буддой, положило конец этим трем бедам. Дело не том, что он просто смирился с неизбежностью смерти, и даже не в том, что он предвидел смерть. Он понял — причем не умозрительно, но путем прямого восприятия — нечто такое, что превратило его совсем в другое существо, к которому смерть и рождение больше не имели касательства. Как мы узнали из предыдущей главы, Будда сначала сомневался, что это сверхъестественное видение, которое он назвал истиной пратитья-самутпады, можно передать другим. И все же при всей ее глубине и неуловимости он ее передал. И хотя со временем его первоначальная формулировка пратитья-самутпады породила обширное и богатое собрание учений, для всех них она остается опорой, самой основой. По крайней мере в философском смысле, именно постижение этой истины — всеобщей обусловленности — составляет сущность просветления Будды. Поэтому ее и называют основополагающим принципом буддизма.

Первоначально этот принцип сформировался в его уме в виде лаконичного положения: «Одно обусловлено другим. Всё,

что происходит, имеет причину». Тем не менее, весьма показательно, что самая известная версия этого принципа берет начало с момента его передачи, которая прошла с поразительным успехом. Тогда передачу осуществил не сам Будда, а один из его учеников, а получил ее один из искателей истины, который впоследствии стал ближайшим учеником Будды.

Это произошло через несколько месяцев после просветления Будды. Шарипутра, молодой брахман из Бихара, вместе с другом детства по имени Маудгальяяна покинул свой дом, как некогда это сделал сам Будда. Потом Шарипутра остался один, поскольку они с другом договорились отправиться в разные стороны: тот, кто первым найдет просветленного учителя, должен был сообщить об этом другу, так их шансы на успех удваивались.

В пути Шарипутра встретил Ашваджита, одного из первых пяти учеников Будды, который к тому времени уже сам обрел просветление и проповедовал Дхарму. Пораженный видом этого странствующего монаха, который излучал спокойствие и счастье, Шарипутра подошел к нему, поздоровался и спросил:

— Кто твой учитель?

Такой способ завязать разговор с совершенно незнакомым человеком может показаться слишком прямолинейным: ведь в Англии обычно начинают со слов «Славная нынче погода» или «Похоже, начинает немножко проясняться». Но в Индии люди склонны сразу переходить к делу, поэтому Шарипутра задал вопрос, который при подобных встречах там задают и по сей день, и Ашваджит ответил:

— Мой учитель — Шакьямуни, мудрец из племени Шакья, Будда.

Тогда Шарипутра сразу задал второй вопрос — обычный, но в данном случае тоже важный:

— А чему он учит?

— Честно говоря, я еще новичок и мало смыслю в Дхарме, — ответил Ашваджит. — Но я могу вкратце рассказать тебе, о чем идет речь.

С тех пор то, что он затем сказал, стало знаменитым во всем буддийском мире в виде короткого палийского стиха, состоящего всего из двух строк. Он сказал или произнес, а может, и продекламировал следующее:

Из всех вещей, что по причине происходят, Татхагата²⁰ причину объяснил, а также прекращение ее. Такое великий *шрамана*²¹ учение изрек.

Похоже, эти две строки произвели на ум Шарипутры ошеломляющее и в то же время освобождающее действие. Он пережил мгновенный проблеск воплощенной в них истины. В нем возникло запредельное видение, и он тут же стал вошедшим в поток. Очевидно, почва была подготовлена настолько хорошо, что даже такого сжатого изложения Дхармы оказалось достаточно, чтобы Шарипутра понял: его поиск завершен. Можно было идти за другом Маудгальяейной и уверенно сказать ему, что Будда найден.

Эти строки Ашваджита записаны и являются объектом почтения и преклонения во всех странах Востока, где распространён буддизм. В Тибете, Китае, Японии, Таиланде, Шри-Ланке их увидишь вырезанными на каменных памятниках и глиняных табличках, написанными на полосках бумаги, которые помещают в изваяния божеств, выгравированными на пластинах из золота и серебра. Можно сказать, что это кредо буддизма. Кто-то может счесть их сухими и абстрактными, отвлеченными и даже не вызывающими энтузиазма, но Шарипутре они такими, конечно же, не показались. И если вы как следует задумаетесь о принципе пратитья-самутпады, в каком бы виде он ни был изложен, если станете медитировать на эту тему, проследите ее смысл, то начнете понимать, какое огромное влияние этот принцип оказал на наш мир. Что бы ни возникало, на каком бы то ни было уровне, это происходит в зависимости от условий, а при отсутствии этих условий прекращает существовать. Вот и всё. Но если говорить о буддизме, то именно это и есть буддизм.

Суть такова: с точки зрения просветленного ума, основным признаком всех явлений, физических и психических, является то, что они обусловлены. Нескончаемый поток явлений — и материальных событий, и состояний ума — есть процесс взаимозависимых этапов, каждый из которых возникает при наличии условий и, в свою очередь, обуславливает последующие этапы. Дождь, солнечный свет и плодородная почва — вот условия, благодаря которым возникает дуб; его

опавшие листья гниют и образуют перегной, на котором вырастают цветы пролески. Ревнивая привязанность будет иметь последствия, которые могут привести к убийству. Ничто в мире феноменов не возникает само по себе, без предшествующих условий, и ничто не остается без последствий. Именно процесс осознания этого закона обусловленности постепенно освобождает нас от всех условий, приводя к свободно протекающему спонтанному творчеству просветления.

Если мы как следует уяснили, в чем заключалось прозрение Будды, можно перейти к рассмотрению того, как оно решило вопросы, ответы на которые первоначально вознамерился найти Сиддхартха. Как насчет старости, болезни и смерти? Как эти непреложные факты нашего физического распада согласуются со всем процессом обусловленности? Продолжается ли «нескончаемый поток явлений» и после смерти или смерть — это конец? Для нас эти вопросы, конечно же, не являются абстрактными или теоретическими. Тайна смерти, которая так беспокоила первобытных людей, по-прежнему остается тайной. Даже сегодня, когда нам, несомненно, известно очень многое, достаточно только объявить о лекции под названием «Тибетская книга мертвых» или «Что происходит после смерти», или «Куда мы попадем, когда умрем», чтобы привлечь толпы слушателей. И на книги о смерти и умирании всегда есть большой спрос. Мы можем думать, что по сравнению с первобытными временами произошли неизмеримые перемены, но, когда дело доходит до понимания смерти, выясняется, что эти перемены не столь уж и велики. На самом деле «проблема» смерти стала еще более насущной.

Однако здесь мы говорим не о той проблеме смерти, которая стоит перед каждым. То, как мы относимся к смерти, как мы смиряемся или не смиряемся с ней, несколько отличается от того, как относятся к ней другие. Со временем, из века в век, чувства и представления о смерти тоже меняются. Рассмотрев проблему смерти с исторической точки зрения, можно сказать, что начало ей было положено, когда человечество начало заниматься земледелием, то есть в эпоху великих цивилизаций, возникших в долинах рек. Было это, наверное, около десяти-пятнадцати тысяч лет назад. В это

время мир стал менее враждебным и загадочным, однако в том, что касалось самой большой тайны — смерти — люди продолжали оставаться в неведении. На самом деле тайна эта становилась еще глубже и непрогляднее, и, пожалуй, угнетала умы людей даже сильнее, чем прежде. И для этого была своя причина. Люди больше не кочевали группами, а жили в деревнях, поселках и даже больших городах. Зародилась цивилизация в том виде, в каком мы ее знаем. Жизнь стала безопаснее и спокойнее, и доставляла людям больше удовольствия. А начав получать удовольствие, они хотели получать его и дальше. Они не хотели расставаться со своими женами или мужьями, со своими детьми, своими домами и ухоженными полями, с пением и танцами, с азартными играми и религиозными обрядами. Но однажды неизбежно придется всё это оставить, и люди это знали. Мысль о смерти омрачала свет их жизни. К чему эта жизнь, если ей суждено так скоро закончиться? Всего несколько кратких лет молодости, удовольствий и процветания — а потом пустота, небытие, где, похоже, нет ничего живого, разве что дух-призрак, бродящий во мраке, вот и всё.

Что тут можно поделать? Казалось бы, совершенно ничего. Большинство людей пытались просто забыть о смерти и максимально наслаждаться жизнью, пока есть возможность. «Ешь, пей и веселись, потому что завтра мы умрем» — вот суть их философии. Но те немногие, которые были сделаны из другого теста, предпочитали действовать. Они совершали героические подвиги: убивали чудовищ, сражались в битвах, завоевывали царства. Они пытались создать себе имя, чтобы, даже если им суждено погибнуть, причем, быть может, очень скоро, их имена продолжали жить вечно — во всяком случае, они на это надеялись. Но даже такие герои в минуты раздумий понимали, что всё это довольно бессмысленно.

Человеческая жизнь казалась не только загадкой, но и трагедией. Такое настроение нашло отражение в преданиях и сказках древних народов, которые в конце концов были записаны и стали первыми образцами нашей литературы. Мы обнаружим его в вавилонском эпосе о Гильгамеше, сложеном в третьем тысячелетии до нашей эры, и в «Илиаде» Гомера, рисующей гибель Трои и написанной более двух

тысячелетий спустя. Присутствует оно и в «Беовульфе», эпической поэме англосаксов, созданной в восьмом веке, но, наверное, еще сильнее и пронзительнее оно выражено в Библии, в книге Экклезиаста — «Книге проповедника». Одна из любимых тем древней литературы — тщета человеческих устремлений перед лицом смерти, этого великого уравнителя, вдохновляла поэтов и в более поздние времена:

И гордость рода древностью, и силы похвальба,
И всё, что красота и злато могут дать,
Всё равно ждет предела своего,
И славы все пути ведут к могиле только.²²

Но этим история не исчерпывается: это только ее половина — западная половина. На востоке люди выбрали другой подход и фактически нашли разгадку тайны смерти, что, конечно, означало и разгадку тайны жизни. Они поняли, что смерть — не конец, люди не просто исчезают. Спустя какое-то время они возвращаются в новом теле, в зависимости от характера поступков, совершённых в предыдущей жизни. Впервые такое понимание появилось в Индии приблизительно во времена Гомера (около 800 года до н. э.) и оттуда широко распространилось по свету. Первое явное его упоминание можно обнаружить в *Брихадараньяка-упанишаде*, где этот принцип изложен в виде чрезвычайно тайного учения, которое можно передавать только немногим избранным. Но по мере распространения это представление, в более организованном и упорядоченном виде, стало известно как учение о карме и перерождении.

Когда на Западе люди ломятся на лекции о карме и перерождении или о «Тибетской книге мертвых», на самом деле они желают узнать, что с ними случится, когда они умрут. Смерть — это конец всего или нет? Ведь если бы мы смогли убедиться, что смерть — не конец всего, то никакой проблемы бы не было. Будь люди совершенно уверены, что после смерти они не исчезнут бесследно, они гораздо меньше стремились бы слушать лекции о карме и перерождении или раскупать новейшие комментарии к «Тибетской книге мертвых». Для нас смерть — это проблема, тогда как на Востоке, особенно индуистском и буддийском, всё иначе. Там люди не

так беспокоятся по поводу смерти. Для них смерть естественна и неизбежна, равно как и перерождение. Человек умирает и снова рождается, опять умирает и опять рождается — так уж устроен мир. И нечего об этом думать. На Востоке проблемой является не смерть, а то, как вырваться из процесса рождений и смертей. Как достичь состояния, в котором вы больше не будете подвержены смерти и перерождению? Проблема в том, что мы умираем и рождаемся снова и снова на протяжении бесконечных веков. Поэтому вопрос переносится на следующий уровень: то, что для Запада — решение проблемы, для Востока — сама проблема, требующая дальнейшего решения. Именно здесь на сцену выступает универсальный принцип обусловленности, открытый Буддой.

Когда Будда, переживая просветление, обозрел весь обширный мир обусловленного бытия, он увидел, что все явления, от низшего до высшего, подчиняются универсальному закону обусловленности. Он также увидел, что этот универсальный закон действует двумя разными способами: циклическим и спиральным — мы уже убедились в этом, рассматривая нашу эволюционную модель. При циклическом способе имеют место действие и реакция между противоположностями. Мы встречаем удовольствие и страдание, пороки и добродетели, рождение и смерть, и обычно получается, что мы колеблемся между ними туда-сюда. За жизнью следует смерть, а за ней — новая жизнь. За страданием следует удовольствие, а за ним — снова страдание. Действие этого циклического процесса обнаруживается на всех уровнях жизни: физическом, биологическом, психическом, социальном, историческом. Империи рождаются только для того, чтобы погибнуть; за развитием всегда следует упадок; итогом богатства, здоровья, славы и высокого положения неизбежно становятся старость, болезнь, смерть, утрата и забвение.

При спиральном же способе действия закона обусловленности есть возможность подлинного и постоянного развития. В этом процессе каждый фактор не отменяет действие предыдущего, а усиливает. Например, вместо того чтобы колебаться между удовольствием и страданием, вы от удовольствия переходите к счастью, от счастья к радости, от радости к восторгу, от восторга к блаженству и так далее, до бесконечности. И к жизни и смерти этот спиральный

способ применим так же, как ко всему остальному. Будда увидел: наряду с подверженностью бесконечному круговороту рождений и смертей, у людей есть возможность вступить на спиральный путь духовного развития — «путь к вратам бессмертия», путь, выводящий за пределы таких противоположностей, как жизнь и смерть.

Применительно к процессу жизни и смерти принцип обусловленности дал начало одному из самых известных и важных буддийских учений, которое чаще остальных понимают неверно, — учению о карме и перерождении. Вот первое и главное, что нужно понять о карме: закон кармы — это применение принципа обусловленности. В ней нет ничего загадочного, ничего удивительного, ничего странного, ничего таинственного. В самом общем смысле карма есть закон обусловленности, действующий на том или ином уровне бытия. Это необходимо подчеркнуть, поскольку одной из основных причин путаницы, очевидно, является представление, будто карма — это буддийское учение о причине и следствии, причем учение универсальное. Универсальным принципом является принцип обусловленности, а карма — только один из способов, которыми эта обусловленность действует. Этот вопрос можно прояснить, если обратиться к буддийскому учению, которое возникло значительно позднее того времени, когда жил сам Будда. Оно стало плодом аналитической и систематизирующей философской традиции Абхидхармы, и называется оно учением о пяти *нияхмах*. Эти пять ниям — очень полезный принцип, потому что, как это обычно и принято в Абхидхарме, он связывает воедино нити, которые иначе остались бы разрозненными и разобщенными, как это наблюдается в первоначальных суттах.

Слово *ниьяма*, общее для пали и санскрита, означает естественный закон, космический порядок. Согласно этому учению, таких ниям пять, и они демонстрируют действие закона причины и следствия на пяти различных уровнях. Первые три достаточно просты, и им можно найти соответствие в западных науках. Первая — *уту-ниьяма*. *Уту* означает «неживая материя». В наши дни люди начинают сомневаться: есть ли вообще такая вещь, как неживая материя, но пока давайте будем называть ее так. Иными словами, это физический, неорганический уровень бытия. Таким образом, уту-ни-

яма есть закон причины и следствия в том виде, в каком он действует на уровне неорганической материи. Грубо говоря, он охватывает законы физики, химии и смежных дисциплин.

Вторая нияма — *биджа-нияма*. *Биджа* означает «семя», так что биджа-нияма имеет дело с миром живой материи, с уровнем органического мира, законы которого составляют предмет биологической науки.

Затем идет *читта-нияма*. *Читта* значит «ум», поэтому *читта-нияма* — это обусловленность, действующая в мире ума. Таким образом, наличие этой третьей ниямы подразумевает, что умственная деятельность и развитие не случайны, но подчиняются законам. Важно понимать, что это значит. Мы привыкли думать, будто законы действуют на уровне физики, химии и биологии, но менее привычно для нас представление о том, что сходные законы могут управлять тем, что происходит в уме. На Западе склонны считать, что в уме всё происходит просто так, без какой бы то ни было конкретной причины. В какой-то степени влияние Фрейда уже заставило некоторых отойти от такой точки зрения, но представление о том, что психические явления возникают в зависимости от условий, еще не успело глубоко проникнуть в массовое сознание. Тем не менее, оно присутствует в буддизме, в учении о читта-нияме, законе причины и следствия, действующем в мире ума, причем можно сказать, что этот принцип соответствует современной психологии.

Четвертая — *камма-нияма*. Палийское слово *камма*, конечно же, более известно в своей санскритской форме, *карма*, и означает «действие», но в смысле умышленного, преднамеренного действия. Поэтому иногда приводят традиционное и парадоксальное высказывание, утверждающее, что карма равнозначна *четане* (замышляющему сознанию), то есть действие равносильно волевому акту: «ибо, как только возникает умysel, человек производит действие, будь то телом, речью или умом». Таким образом, камма-нияма относится к сфере этической ответственности — это принцип обусловленности, действующий на нравственном уровне.

Нам, воспитанным на западных представлениях о нравственности, порой бывает трудно понять, как работает этот принцип. В обычном обществе, если вы совершаете преступление, то вас арестовывают и передают в руки правосудия.

Вас допрашивают, признают виновным и подвергают наказанию: отправляют в тюрьму или штрафуют. Преступление и наказание — два совершенно разных события, и есть то — общество, полиция, судья, закон, что вас наказывает. Мы склонны применять эту правовую модель и в том случае, когда речь идет о нравственности в целом. Мы думаем о грехе и наказании за грех, о добродетели и вознаграждении за добродетель. Столь же традиционно мы склонны подразумевать наличие судьбы — того, кто видит все наши поступки и, соответственно, либо наказывает, либо вознаграждает; и в роли такого судьи, естественно, выступает господь Бог. Люди представляют Бога в виде председателя на судебном заседании, куда доставляют всех провинившихся и где ангелы и демоны выступают как свидетели. Официальное христианское учение по-прежнему утверждает, что после смерти нас ждет высший суд, и ортодоксального христианина ужасает мысль о том, что придется предстать перед высшим судьей, а затем отправиться туда, куда он решит. Впечатляющие последствия, подразумеваемые этим учением, способствовали появлению выдающихся произведений литературы, музыки, драмы и живописи. Огромная фреска Микеланджело «Страшный суд», украшающая Сикстинскую капеллу — вот лишь один из замечательных тому примеров. Но то же самое учение вылилось в довольно слабую философию и образ мышления, ужасающие пережитки которого мы всё еще испытываем на себе.

У буддистов совершенно иная точка зрения, которая может показаться нам достаточно странной, поскольку наш подход к этике, почти независимо от нашего желания, определяется христианской теологией. В буддизме есть закон, но нет законодателя, равно как и тех, кто претворяет этот закон в жизнь. Мне случалось наблюдать, как христианские миссионеры спорили с буддистами, пытаясь их убедить: если они верят в закон, то должен быть и законодатель, — но, конечно же, этот аргумент весьма обманчив. В конце концов, существует же закон всемирного тяготения, но нет никакого бога тяготения, который бы отталкивал и притягивал предметы. Закон тяготения — это всего лишь общее описание того, что происходит при падении предмета. Точно так же нет бога наследственности или бога полового отбора. Эти процессы просто происходят сами собой.

Согласно буддизму, примерно то же самое происходит и на уровне нравственности. Закон, так сказать, сам проводит себя в жизнь. Благая карма естественным образом ведет к счастью, а дурная — к несчастью. Нет никакой необходимости, чтобы кто-то являлся, смотрел на содеянное вами, а потом назначал наказание или поощрение. Это происходит само собой. «Добро» и «зло» встроены в структуру вселенной. В действительности это означает, что, с буддийской точки зрения, наша вселенная является этической вселенной, пусть такая формулировка весьма приблизительна и звучит очень антропоморфно. Если попытаться выразить это точнее, то наша вселенная функционирует в соответствии с принципом обусловленности, и на кармическом уровне действие этого принципа можно определить как этическое — в том смысле, что оно охраняет этические ценности. Это и есть камма-нияма.

Пятая и последняя нияма — это *дхамма-нияма*. *Дхамма* (санскр. *дхарма*) — слово, имеющее множество различных значений, здесь значит просто «духовный» или «надмирный», в противоположность мирскому. Так что принцип обусловленности действует и на этом уровне. Однако, как именно это происходит, не всегда объясняется достаточно подробно. Следует отметить, что некоторые наиболее распространённые традиционные объяснения этой ниямы выглядят несколько детскими и поверхностными. Например, многие легенды повествуют, что в момент просветления Будды и в момент его смерти, а также в некоторых других важных случаях, отмечалось шесть разновидностей содроганий земли — по мнению некоторых комментаторов, это объясняется действием дхамма-ниямы.

На самом деле, чтобы найти более разумное и полезное объяснение, не нужно ходить далеко. На мой взгляд, очевидная разгадка заключается в различии между двумя видами, или способами, обусловленности. Первые четыре ниямы, включая камма-нияму, — это виды обусловленности в циклическом смысле, в смысле действия и противодействия между парами противоположностей. Дхамма-нияма же соответствует спиральному виду обусловленности и как таковая образует совокупность духовных законов, которые управляют восхождением по этапам буддийского пути.

Таким образом, карма — не закон обусловленности в целом, а всего лишь этот закон, действующий на определенном уровне: на этическом уровне, уровне моральной ответственности. То есть нельзя считать, что всё происходящее с нами обязательно является следствием наших прошлых поступков, потому что карма — только один из пяти уровней обусловленности. То, что выпадает на нашу долю, может быть следствием физических, биологических, психологических, этических или духовных факторов. Скорее всего, оно определяется сложным сочетанием факторов и приводит в действие несколько ниям.

Как же на самом деле работает карма? Что происходит, если нет никакого судьи, который бы выносил приговор? Абхидхарма, самая точная школа буддийской философии, дает очень четкую картину кармы, классифицируя ее с разных точек зрения. Это этический статус, «врата» (что это такое, станет ясно, когда мы до них доберемся), соответствие последовавших переживаний, время вступления в силу, относительная очередность вступления в силу, функция и уровень, на котором происходит созревание кармы. Давайте рассмотрим эти семь способов классификации кармы.

Прежде всего, как классифицируется карма в зависимости от этического статуса? Главное, что здесь следует понять, — это то, что этический статус умышленного действия зависит от состояния сознания, при котором это действие было совершено, — для буддизма это абсолютная аксиома. По выражению буддистов, такое состояние может быть «искусным» или «неискусным», и эти определения важны, поскольку подчеркивают, что практика буддийской этики требует как благожелательности, так и ума. К неискусным состояниям сознания относятся те, которые определяются привязанностью (невротическое желание), отвращением (ненависть, неприязнь) и неведением. Нас за них не наказывают — просто они делают нас несчастными, потому что такие неискусные состояния предполагают сужение нашего бытия и сознания, что мы ощущаем как несчастье. В противоположность им, искусные состояния сознания характеризуются удовлетворенностью, любовью, пониманием и ясностью ума. И снова, никакие призы за такие состояния не выдаются. Искусные действия, будь то действия тела, речи или ума, сами собой

приводят к чувству просторного бытия и сознания, что мы ощущаем как счастье. В каком-то смысле, искусное действие и есть счастье.

Так что буддийская этика имеет под собой психологическую основу. Действие является искусным или неискусным не потому, что совпадает с каким-то внешним набором правил, а потому, что согласуется с определенным состоянием бытия. Существуют правила — обычно их называют заповедями, — но они являются правилами только в том смысле, что дают приблизительные указания, помогающие вести себя так, будто находишься в нужном состоянии бытия. Эти правила — не самоцель, они не навязаны какой-то религиозной группой; просто они нужны как средство достижения определенной цели — просветления. К тому же Будда проводил различие между «естественной моралью» (пали *пакати-сила*) и «условной моралью» (*паннатти-сила*). Естественная мораль везде одинакова и основана на фактах человеческой психологии, тогда как условная мораль меняется от места к месту и основана на обычаях и мнениях. Под действие закона кармы подпадает только естественная мораль.

Некоторые школы буддизма очень озабочены охраной этой психологической и духовной основы буддийской этики. Дабы противостоять опасности этического формализма — вере в то, что ты хорош просто потому, что соблюдаешь свод правил, дзэнские и тантрийские школы настойчиво делают из буддийского подхода к морали удивительные и даже шокирующие выводы. Они заходят настолько далеко, что утверждают: в принципе, просветленный вполне способен совершать неэтичные с виду поступки. Важно не само по себе действие, а состояние сознания, — говорят они, — поскольку именно состояние сознания определяет этическое качество, а следовательно, и кармические последствия поступка, но никак не наоборот. По мнению дзэнских и тантрийских школ, наша склонность хвататься за легкие ответы, предоставляемые этическим формализмом, настолько велика, что нас явно необходимо привести в состояние шока, чтобы мы поняли: буддийская этика действует на совершенно иной основе, чем условная мораль. Для этого они прибегают к причудливым историям. Вот один из наиболее ярких примеров таких историй, взятый из тибетских источников.

Давным-давно жил на свете древний святой отшельник, который обитал в одиночестве в горной пещере, — так начинается рассказ. А поскольку дело было в Тибете, можно предположить, что находилась эта пещера чуть выше границы вечных снегов, так что в ней было очень холодно. Жил этот отшельник совсем как Миларэпа, знаменитый поэт и аскет, с одной только разницей: питался он не только крапивой, которая составляла единственную пищу Миларэпы. Хотя отшельник был очень строг и прост, он не ограничивался крапивой, потому что неподалеку жила старушка, которая каждый день приносила ему пищу, чтобы он не отвлекался от медитации. Каждый день с великой верой и преданностью она приходила к отверстию пещеры и ставила перед старым отшельником еду. Он молча ел, после чего благословлял старушку. Тогда она молча брала пустую миску и отправлялась домой, а отшельник снова погружался в медитацию.

У старушки была дочь, которая тоже была преданна старому аскету, и иногда старушка отправляла ее отнести отшельнику еду. Однажды, как это бывало не раз, девушка пришла к отшельнику и поставила перед ним миску с едой. Но на этот раз, к ее величайшему изумлению, старец, вместо того чтобы, по обыкновению, молча приступить к еде, набросился на нее и попытался ею овладеть. Пораженная, а еще больше того возмущенная, девушка стойко сопротивлялась домогательствам отшельника. Поскольку деревенская молодка была крепкой, а аскет был тщедушен и слаб, она с легкостью отбилась и убежала домой цела и невредима.

— Матушка! — закричала она, едва отдышавшись, — ты только подумай! Знаешь, что он хотел сделать — старик, которого мы всегда считали чуть ли не святым?!

И она рассказала всё матери. Мать ее ужасно разгневалась, но по совершенно неожиданной причине.

— Ах ты, дуреха! — стала браниться она. — Ах ты, злыдня! Неужто в тебе совсем нет веры? Такому святому и в голову не придет насиловать кого-то ради удовольствия! Должно быть, в этом был какой-то важный смысл, разве не ясно? Сейчас же беги обратно, извинись и скажи: «Вот я, делайте со мной, что хотите».

Девушка пошла обратно и увидела, что отшельник сидит перед своей пещерой. Она поклонилась ему и сказала:

— Простите, что я поступила так глупо. Теперь я вся к вашим услугам.

Но отшельник ответил:

— Слишком поздно.

— Что вы хотите этим сказать? — удивилась девушка. — Слишком поздно для чего?

Но он только снова повторил:

— Слишком поздно! Какая жалость! Слишком поздно!

Девушка была озадачена и переспросила:

— Слишком поздно для чего?

И тогда старый отшельник ответил:

— Ну ладно, раз уж ты имеешь — или почти что имеешь — к этому отношение, я расскажу тебе, что произошло. Знаешь большой богатый монастырь там, за горой? Так вот, настоятелем его был очень дурной человек, совсем никудышный монах. Дхарма его не интересовала, он никогда ничего не изучал, зато был очень жаден до денег, яств и богатства.

Дело в том, что несколько часов назад этот настоятель умер, и я, сидя в медитации, увидел его дух, парящий в воздухе. Он был в ужасном состоянии — такой печальный и несчастный, и я понял, что его влечет к более низкому рождению, к поистине незавидной будущей жизни. Вокруг никого не было, и тут появилась ты. Из сострадания я хотел дать бедняге еще один шанс. Я подумал: «Если поспешить, то, может быть, удастся помочь ему хотя бы родиться человеком». Но, к несчастью, ты убежала, и знаешь, что случилось? Как только ты скрылась, вон на том поле стали совокупляться ослы, вот почему теперь слишком поздно!

Тибетцы рассказывают эту историю при каждом удобном случае. Она одна из самых любимых и блестяще иллюстрирует наш тезис. Вся соль ее в том, что насилие из сострадания — вещь совершенно невероятная. И все же любое этическое правило, даже самое простое и подходящее к очень многим случаям, никогда нельзя считать абсолютным. Состояние сознания, в котором был совершен поступок, — вот что определяет его этичность.

Конечно, такое учение, несмотря на всю свою значимость, легко может быть понято неверно. Слишком просто истолковать его в смысле «Что нравится, то и делай!», но это

будет полным искажением буддийской этики. Ведь множеству людей нравится делать то, что во всех отношениях неискусно. Суть не в том, чтобы бездумно следовать своим инстинктам или чувствам, а в том, чтобы постараться достичь как можно более благого состояния ума и действовать исходя из него. У нас в распоряжении всегда есть этические правила, или заповеди, способные подсказать действие, которое поддержит благие состояния ума, даже если состояния нашего ума до них пока не дотягивают. Но идеал, цель, буддийской этики — научиться действовать исходя из благого, искусного состояния ума: состояния удовлетворенности, любви, сострадания, покоя, безмятежности, радости, мудрости, осознанности и ясности понимания. Вот пока и всё о классификации кармы в зависимости от этического статуса.

Следующая классификация кармы строится на основе «врат». Это образное выражение указывает на врата, через которые осуществляется карма. Традиционно буддизм усматривает в человеке три аспекта: тело, речь и ум — это и есть врата. Ведь не только физические действия или действия на уровне речи чреваты кармическими последствиями. Действия ума, то есть мысли и чувства, тоже имеют последствия. Но любое действие того или иного вида будет иметь кармические последствия только в том случае, если оно преднамеренно. Если вы сделали что-то неумышленно или если ваши слова неправильно поняли, такие действия не имеют кармических следствий. Здесь буддизм отличается от джайнизма. В джайнизме считается: если, например, вы случайно кого-то убьете, то, даже если вы приняли все меры предосторожности, чтобы этого избежать, ваше действие всё равно будет иметь кармические следствия, которые в будущем заставят вас страдать. Иными словами, джайнская система этики основана на правилах, причем очень сложных правилах, тогда как буддийская — на психологии.

Третий принцип классификации кармы — соответствие последовавших переживаний. Выражаясь приблизительно и совсем не по-буддийски, это означает: карма работает так, что наказание соответствует преступлению. Например, если вам свойственно благоговейное отношение к жизни, если вы охраняете и защищаете живых существ, то родитесь в состоянии счастья, где вам суждена долгая жизнь. Если же вы,

напротив, намеренно убиваете живых существ, то родитесь в состоянии страдания и жить будете недолго. Точно так же, если вы практикуете щедрость, то родитесь в благоприятных обстоятельствах, а если скупы, то родитесь в бедности и нужде. Если вы выказываете людям почет и уважение, то родитесь в семье, занимающей высокое положение в обществе, а если смотрите на всех свысока и относитесь с пренебрежением, то родитесь среди самых низов.

Нам, западным людям, толкование этого принципа иногда может казаться довольно смешным. Например, в одном из текстов говорится: если клеветать и чернить людей, в следующем рождении у тебя будет дурно пахнуть изо рта. Есть также история об одном архате, который родился карликом. Очевидно, у Будды был ученик-карлик. Он был просветленным, его познания в Дхарме были обширны, он прекрасно проповедовал, но был мал ростом и к тому же горбат. Дальше в этой истории рассказывается, что однажды ученики Будды стали обсуждать этого карлика. Раз он родился учеником Будды, то, должно быть, в прошлой жизни совершил много добрых дел, но что же такое он совершил, чтобы родиться карликом? Дабы удовлетворить их любопытство, Будда рассказал такую историю.

Тысячи и тысячи лет назад, в некую давнюю кальпу, жил будда, точнее пратьекабудда, то есть «будда для себя», — тот, кто обрел просветление, но никого не учил. Когда этот будда умер, вся община решила воздвигнуть величественный памятник, дабы увековечить его память. Когда стали обсуждать этот замысел, одни предлагали сделать памятник высотой двенадцать локтей, а другие считали, что он должен быть, по меньшей мере, в два раза выше. Во время спора там оказался человек, который потом родился карликом, и сказал: «Какая разница? Сойдет и небольшой памятник». Именно в результате такой очень дурной кармы он родился карликом.

Помню, эта история была совершенно серьезно преподнесена в одном бирманском буддийском журнале. В то время некоторые буддисты, в том числе и я, предлагали бирманцам использовать часть свободных денег на издание книг по буддизму вместо того, чтобы тратить всю сумму на золочение памятников. Они же вытащили эту апокрифическую

историю, чтобы продемонстрировать, какие ужасные кармические последствия мы создаем для себя, внося такое предложение. Это только показывает, что иногда данный принцип используют не очень умно. И всё же, несмотря на довольно тенденциозные толкования, сам принцип остается верным. Ведь он совершенно ясен. Его можно сформулировать по-другому: как поступаешь с другими, так, в конечном счете, поступаешь и с собой. И это не просто буддийская теология, а вполне трезвая психология. Можно еще переиначить это утверждение и сказать: как поступаешь с собой, так, в конечном счете, поступаешь и с другими.

Четвертый способ классификации кармы — в зависимости от времени осуществления. В этом смысле есть три вида кармы: 1) осуществляется во время текущей жизни, то есть человек пожинает последствия поступка в той жизни, в которой он был совершен; 2) осуществляется в одной из последующих жизней; 3) вообще не осуществляется. Эта третья категория может вызвать удивление. В некоторых популярных трудах выдвигается идея, что карма — это неизблемый закон, от которого нет спасения. Считают, что следствие даже весьма незначительного поступка, хорошего или плохого, в конце концов всё равно вас настигнет, пусть даже миллионы лет спустя, в какой-то отдаленной жизни. И некоторым такая идея — что от кармы не скроешься, что в конце концов придется платить за всё содеянное — явно очень по нраву.

Тем не менее, это не буддийское учение. Согласно буддизму, некоторые кармы, как искусные, так и неискусные, сводятся на нет в течение жизни. Они могут быть уравновешены противоположными кармами или просто отменены. Не имея возможности проявиться, они могут утратить силу. Итак, никакого неизблемого закона кармы нет — некоторые кармы не дают никаких последствий.

Пятый способ классификации, в зависимости от относительной очередности осуществления, приводит нас к вопросу о перерождении. Перерождение есть следствие кармы, но карма может быть очень разной. Когда человек умирает и наступает момент нового рождения, вокруг собирается целое скопище всевозможных карм, ожидающих возможности проявить свое следствие. Поэтому здесь мы рассмотрим та-

кой вопрос: в какой очередности они влияют на характер нашего перерождения?

Согласно этому способу классификации, кармы выстроены в четыре группы относительной очередности. Первыми, под названием весомые кармы, собраны кармы, как искусные, так и неискусные, которые воплощают сознательный умысел и при этом настолько сильны, что изменяют всю вашу природу и влияют на нее. Обычно в качестве примера весомой неискusной кармы приводят умышленное отнятие жизни — убийство, особенно, если жертва достигла высокого уровня духовного развития. Важной весомой искусной кармой считается медитация, но следует понимать, что именно она означает в данном случае: ведь даже среди буддистов этот термин чаще употребляется в смысле попыток медитации, чем в смысле истинного переживания высших состояний сознания. Чтобы медитация стала весомой искусной кармой, она должна быть не просто сонным и пассивным витанием в облаках, а действием, которое преобразует всё ваше существо, всю вашу натуру, всё ваше сознание, — как здесь и сейчас, так и в будущем. Результатом медитации не должно быть приятное, умиротворенное, слегка рассеянное состояние сознания. Если вы испытываете именно его, значит, вы провели время в легкой приятной задумчивости, но это вовсе не медитация. Медитация — нечто гораздо более динамичное, далеко идущее, даже потрясающее. После нее вы должны чувствовать, что вас переполняет сила, энергия и жизнь. Таким образом, весомая карма, как искусная, так и неискusная, оказывает огромное влияние.

Второй по силе влияния на перерождение считается предсмертная карма. Здесь имеется в виду мысленный образ, который возникает в момент смерти и обычно каким-то образом связан с вашими поступками и интересами в жизни. Пример, который обычно приводят, — это мясник: считается, что в момент смерти он, скорее всего, видит сцены убийства. Он вполне может наблюдать, как режут животных, слышать их предсмертный хрип, видеть кровь и мясницкие ножи — очевидно, что состояние его ума будет не слишком счастливым. Художник может видеть прекрасные образы — цвета и формы, музыкант может слышать музыку. Тем не менее, что бы вы ни видели в это время, оно не обязательно

должно быть связано с вашей истекшей жизнью. Картина, которая предстанет перед вашим взором, может быть связана с местом вашего предстоящего рождения. Если вы видите прекрасный цветок лотоса, белый, розовый или золотистый, то говорят, что это предвещает рождение на более высоком уровне сознания, в райской обители. Если же вы видите языки пламени, то это, конечно, указывает на рождение в совсем ином месте.

Третья категория кармы, которая имеет силу в это время — привычная карма, то есть любое действие, которое в жизни вы повторяли многократно. Наверное, очень большая часть жизни состоит из привычных карм — действий, которые мы повторяем снова и снова, часто не отдавая себе отчета в том, какое влияние они на нас оказывают. Само по себе действие может быть незначительным и не занимать много времени, но если мы совершаем его ежедневно, возможно, по несколько раз в день, то оно будет иметь результат — так падающие капли воды точат камень. Мы создаем карму всё время, либо выковывая цепь, которая нас связывает, либо сея семена дальнейшего роста. Причем это повторяющееся физическое действие совсем не обязательно должно быть действием тела. Даже если мы совершаем действие только раз, а потом постоянно думаем о нем, проигрывая его в уме снова и снова, такое действие тоже считается привычной кармой. Уверен, примеры можно не приводить.

Четвертый и последний раздел кармы, отличием которого является относительная очередность осуществления, называется остаточная карма; к ней относятся любые преднамеренные действие, не входящие в три предыдущих раздела. Чего от Абхидхармы не отнимешь, так это скрупулезности.

И вот, когда мы находимся между смертью и новым рождением, между старой жизнью и новой, балансируя на самом краю, эти кармы, в указанном порядке, приходят в действие и определяют характер нашего нового рождения. Согласно Абхидхарме, сначала осуществляются весомые кармы. Если у вас в пассиве имеется весомая карма со знаком плюс или минус, именно она в первую очередь будет определять характер вашего нового рождения. Теперь вы начнете ценить важность медитации с кармической точки зрения. Если при жизни вы много медитировали, если пребывали в высшем

состоянии сознания — постоянно или время от времени, или даже раз, если хотя бы на несколько минут по-настоящему достигли высшего уровня бытия, то именно этот фактор в первую очередь определит характер вашего будущего рождения. Все прочие факторы вступят в силу позже.

Если же в прошлой жизни вы не накопили весомой кармы, ни искусной, ни неискусной, то ваше рождение будет определяться предсмертной кармой. В отсутствие таковой оно будет определяться привычной кармой, а при отсутствии даже ее, что весьма необычно, — остаточной кармой. По крайней мере, некоторые авторитеты по части Абхидхармы приводят такой порядок очередности, тогда как другие считают, что привычная карма предвещает предсмертную, но, несмотря на такое расхождение во мнениях, общая картина ясна.

Разумеется, кармы могут выходить за пределы этих категорий: та или иная карма может действовать всеми вышеперечисленными способами. Например, если в прошлой жизни вы занимались медитацией, то это весомая карма. Если во время смерти вы думали о переживании, полученном в медитации, она становится и предсмертной кармой. Если при жизни вы медитировали много-много раз, то она к тому же будет привычной кармой. А если медитация — это ваша весомая карма, ваша предсмертная карма а также ваша привычная карма, то совершенно очевидно, что основным фактором, определяющим ваше новое рождение, будет именно она. Согласно буддизму, весьма вероятно, что вы родитесь в более высоком состоянии сознания, даже в более высоком мире, чем раньше: вы поистине родитесь йогином и будете жить в мире, который подходит для йогингов.

Шестой способ классификации кармы — в зависимости от функции. Речь здесь идет о четырех видах кармы: порождающей, поддерживающей, противодействующей и пресекающей. Порождающая карма — это та, которая напрямую ответственна за создание новой жизни после смерти. Эта категория относится к способу создания склонностей, ведущих к новому рождению, — к тому, как мы потакаем таким своим склонностям, как привязанность, отвращение и невежество. Поддерживающая карма определяет то, как мы создаем и усиливаем такие склонности. Противодействующая

карма — это процесс, позволяющий нейтрализовать последствия своих действий, противодействовать им или отменить их с помощью других действий. Так, весомая благая карма, скажем, медитативное сосредоточение, будет противодействующей кармой, если она отменяет весомую неблагую карму, скажем, тяжкие нарушения нравственных заповедей. И наконец, пресекающая карма — это любой опыт видения истинной реальности, достаточно глубокий для того, чтобы в корне пресечь неблагую карму.

Есть традиционная метафора, иллюстрирующая эту классификацию. Порождающая карма сравнивается с посаженным в поле семенем — новая жизнь, образно говоря, «засеивается» в утробу матери. Поддерживающая карма подобна дождю и навозу, которые питают семя и помогают ему стать растением. Противодействующая карма подобна граду, который падает на всходы и повреждает их. А пресекающая карма подобна огню, который охватывает всё поле, так что посевы погибают. Итак, с точки зрения функции, различают эти четыре вида кармы.

Седьмая и последняя классификация кармы — в соответствии с уровнем, на котором созревает карма. Она очень важна и тоже тесно связана с вопросом перерождения. В буддийской картине мира вселенная рассматривается в аспекте пространства-времени и того, что можно назвать глубиной, или духовным измерением. Пространство-время представляет собой объективный, материальный аспект обусловленного бытия, тогда как духовное измерение представляет ее психический, субъективный аспект. Первый из этих аспектов мы обычно называем миром, или сферой, или уровнем, на котором мы существуем, а второй аспект — состоянием нашего ума, или переживанием этого бытия. В микрокосме отдельного человека эти два полюса, или измерения, представлены телом и умом: тело — это человек в аспекте пространства и времени, а ум — тот же человек, но в аспекте глубины, или духовного измерения.

Это иллюстрирует «Тибетская книга мертвых», которая, помимо всего прочего, пытается ответить на вопрос: «Что происходит, когда мы умираем?» В ней описывается, как постепенно отказывают чувства. Вы больше не слышите, не видите, не ощущаете запахов, вкусов и прикосновений. В кон-

це концов сознание отделяется от тела. Тело остывает. Затем обрывается даже тонкая психическая связь, существующая между телом и его нематериальными аспектами. Теперь вы окончательно и бесповоротно мертвы. Согласно буддийскому учению, которое в «Тибетской книге мертвых» изложено весьма подробно, в этот самый первый миг после окончательной смерти, вы оказываетесь лицом к лицу с самой истинной реальностью. Как будто всю жизнь тело, чувства и низший ум постоянно заслоняли от вас эту реальность, отсекая ее или, по крайней мере, фильтруя, так что вы ощущали лишь самую малую ее толику. Но после смерти, когда тела больше нет и низшего ума тоже нет, во всяком случае на время, истинная реальность являет свой лик и на один страшный миг вспыхивает светом. Я говорю «страшный», потому что большинство людей не в силах вынести свет реальности, в ужасе отшатываются. По выражению Т. С. Элиота, «род людской неспособен выносить реальность в слишком больших дозах». ²³

Когда человеческое сознание оказывается лицом к лицу с истинной реальностью, это может стать ужасающим переживанием, от которого ум бежит, отступая на всё более и более низкие уровни, пока не окажется там, где почувствует себя как дома. На этом уровне он хватается за тело, и именно в этом теле потом, так сказать, перерождается. Конечно, слова не должны вводить нас в заблуждение. Мы говорим о сознании, которое приходит и уходит, даже о его переходе из одного тела в другое, но в действительности сознание не приходит и не уходит. Оно не занимает места в буквальном смысле слова и не может «войти» в тело. Ум и тело — как два конца одной палки: стоит ухватиться за один конец, как другой, само собой, следует за ним.

Таковы семь классификаций кармы, и вместе с пятью ниямами они дают всеобъемлющую картину природы кармы. Карма — это наше собственное умышленное действие и результаты, которые оно за собой влечет, равно как и закон, в силу которого одно следует за другим. Это не рок, не судьба и не общий закон причины и следствия. Как ясно следует из учения о пяти ниямах, карма есть лишь один, хотя и очень важный, из пяти видов обусловленности, существующий наряду с другими. Поэтому неверно говорить, что

всё происходящее есть результат кармы. Некоторые, когда с ними что-то случается, говорят: «Что ж, должно быть, такова моя карма» — и воображают, что поступают благочестиво, как настоящие буддисты; но это не имеет никакого отношения к буддийскому учению. Буддизм учит: всё, что происходит, — это результат условий, но не все эти условия есть карма. Карма — только один из пяти видов обусловленности, которые действуют во вселенной. События могут быть следствием кармы, а могут и не быть. Как их различать — это совсем другой вопрос.

Трудность, которая иногда возникает, — это отношение между принципом перерождения и учением об *анатмане* — отсутствии «я», или души. Можно подумать: «Если нет души, которая переходит из одной жизни в другую, из одного тела в другое, как же тогда происходит перерождение?» Может показаться, что нужно пожертвовать либо учением об анатмане, либо учением о перерождении, — нельзя иметь то и другое сразу. Но эта трудность — искусственная. Как уже говорилось в первой главе, на самом деле учение об анатмане не утверждает отсутствия души в смысле полного отсутствия психической жизни. Оно утверждает отсутствие неизменной души, неизменного «я». Если говорить о перерождении, то имеется некая основа умственной деятельности, которая «перетекает» из одной жизни в другую, соединяясь то с одним телом, то с другим. Соединение нового тела с этим «поток» умственной деятельности и есть то, что называют перерождением. Так что никакого противоречия нет: принцип анатмана и принцип перерождения могут сосуществовать.

На этом этапе рассмотрения кармы иногда возникает мысль: «Всё это очень хорошо, вполне логично и правдоподобно. Но так ли это на самом деле? Как можно проверить? Где найти доказательства?» Обычный западный ум желает неопровержимых доказательств, и они накапливаются — медленно, но верно. Группы исследователей систематически изучают рассказы людей, которые утверждают, что помнят свои предыдущие жизни. Собирают и публикуют сведения об обычных людях — не святых, не мудрецах и не мастерах медитации, которые без всяких видимых причин утверждают, будто помнят свою предыдущую жизнь. При этом они,

как правило, описывают ее очень подробно, вплоть до своего имени, места, где жили, рода занятий, болезни, от которой умерли и т. д. Судя по всему, эти подробности совпадают с тем, что известно об их жизнях — большей частью самых заурядных жизнях, которые, по их утверждениям, они помнят. Особенно интересуют исследователей многочисленные примеры любопытных воспоминаний такого рода, исходящих от детей. Во многих случаях вероятность совпадения, обмана или выдумки полностью исключается, и ученые склонны признать, что самое простое объяснение подобных фактов — это гипотеза о перерождении, или реинкарнации. Поскольку число таких доказательств неуклонно растет, я совершенно не сомневаюсь, что в конце концов они убедят всех непредвзятых людей в истинности учения о карме и перерождении.

В качестве еще одного доказательства существования кармы и перерождения некоторые приводят феномен вундеркиндов. Если взять такого ребенка, как Моцарт, который с малых лет умел петь, исполнять и сочинять музыку, то очень трудно поверить, что такого уровня знаний и мастерства он смог достичь за столь короткий срок, — говорят, что они перешли к нему из предыдущей жизни. Но тут встает вопрос о наследственности: нет общего мнения по поводу того, что можно и что нельзя унаследовать на генетическом уровне. К тому же этот вопрос осложняют разные другие факторы, как личного, так и культурного свойства, поэтому такого рода доводы не столь убедительны, как воспоминания о предыдущей жизни.

Разумеется, учение о карме и перерождении решает гораздо больше вопросов и проблем, чем ставит, но это не значит, будто в нем нет никаких неувязок. С моей точки зрения, это традиционное учение нуждается в полном пересмотре с учетом различных вопросов, которые на Востоке, судя по всему, пока не рассматривались. Существуют, например, такие вопросы, как связь между кармой, перерождением и временем или связь между кармой, перерождением и индивидуальным сознанием. Ведь карма и перерождение действуют во времени, а что такое время? Карма и перерождение связаны с индивидуальным сознанием, а что это такое? Есть еще такой каверзный вопрос, как демографический взрыв.

Откуда взялись все эти люди? Происходит деление душ, или же они пришли из других миров? На Востоке некоторые буддисты высокомерно бросят: «Конечно, они пришли из других миров. Это каждому понятно». Но является ли такое объяснение единственно возможным? Эти и другие похожие вопросы необходимо подробно рассмотреть в новой редакции традиционного буддийского учения о карме и перерождении. Возможно, такая редакция станет одной из задач западного буддизма.

И наконец, необходимо допустить, что на Западе учение о карме и перерождении может какое-то время вызывать активное неприятие. Как мы убедились, оно противоречит многим устоявшимся представлениям о самых насущных вещах. Поэтому для многих важен такой вопрос: обязательно ли верить в карму и перерождение, чтобы быть буддистом? Самый простой ответ: «Да». Но более разумный ответ таков: «Нет, но при одном условии. Не обязательно верить в карму и перерождение, если вы готовы направить все свои силы на достижение полного просветления в этой жизни». Это совершенно верно и может удовлетворить некоторых людей. Но к тому же это сразу показывает, как трудно всерьез практиковать буддизм, если постоянно не помнить о карме и перерождении.

Учение о карме и перерождении действительно дает ответ — может быть, единственно верный ответ — на некоторые вопросы. Оно помогает раскрыть тайну смерти, которая одновременно является и тайной жизни, а ведь только очень немногие могут идти по пути к просветлению, не задумываясь о таких вопросах хотя бы иногда. Возможно, кто-то и способен безмятежно предаваться практике медитации, не заботясь о философии, но большинству нужны какие-то ответы. Они действительно хотят знать и могут практиковать только при наличии такого знания. Чтобы следовать по пути, им необходима какая-то общеполитическая основа, пусть даже элементарная и схематичная. Учение о карме и перерождении хотя бы отчасти обеспечивает такую основу.

Если мы не принимаем карму и перерождение в качестве ответа, придется искать какой-то другой, и найти его, думаю, будет не просто. Лично я считаю, что учение о карме и перерождении дает самый удовлетворительный ответ на

многие вопросы, вытекающие из факта смерти и природы человеческой жизни и человеческого существа. Оно не только дает верный ответ, но и сообщает жизни смысл и цель. Оно объясняет, что каждый человек проходит череду жизней и что, изменив свое сознание, — а согласно буддизму, это нам вполне по силам, — можно определять свою судьбу, причем не только в этой жизни, но и в следующих. Это значит, что никакое подлинное усилие не пропадает даром. Добро сохраняется из жизни в жизнь. Нет такой проблемы, как награда или кара. Совершая умышленное действие, мы изменяем свое сознание, как здесь и сейчас, так и на будущее, и это вполне достаточная награда или кара. Лично я сказал бы, что учение о карме и перерождении есть неотъемлемая часть буддизма и большинству людей трудно стать буддистами, не приняв его хотя бы в принципе.

Традиция утверждает, что истина учения о карме и перерождении становится ясной в свете более высоких состояний сознания и особенно в наивысшем из них — просветлении Будды, которое настолько высоко, что его даже нельзя называть состоянием сознания как таковым. На Востоке считается, что есть истины — при желании их можно называть духовными истинами, — которые обычный рациональный ум познать не может.

На Западе такая точка зрения, конечно же, оказывается совершенно неприемлемой. Мы склонны считать бесспорным, что всё, доступное пониманию и восприятию, можно понять и воспринять обычным сознательным «повседневным» умом. Мы предполагаем, что этот ум способен понять всё, что вообще можно понять. Но восточная традиция, особенно индийская, утверждает, что есть некоторые истины — если хотите, некоторые законы или принципы, — которые невозможно понять обычным человеческим умом. Если вы хотите их понять, придется повысить свой уровень сознания — так, чтобы дальше видеть, нужно подняться на гору. Буддисты считают, что если подняться на гору собственного сознания, то оттуда как на ладони увидишь все те духовные истины, которые непостижимы для нас в нашем обычном состоянии сознания.

Согласно индийской традиции, одна из таких истин — учение о карме и перерождении. Наше обычное рациональное

сознание не может его постичь. Мы способны его понять, если нам объяснят, но непосредственно узреть его истинность не можем. Карму и перерождение во всех подробностях и хитросплетениях может узреть только будда. А это значит, что неопровержимые доказательства нам, по сути, недоступны.

Однако на протяжении многовековой истории развития буддизма все буддийские мудрецы и йогины подтверждали истинность кармы и перерождения. Что примечательно, не было ни одной буддийской школы, ни одного видного буддийского учителя, которые бы ставили ее под сомнение. Будь учение о карме и перерождении всего лишь догмой, философской идеей, теорией, кто-то в буддийском мире наверняка опроверг бы ее, рано или поздно, или, по крайней мере, поставил под сомнение. Буддистам свойственна полная свобода мысли: нет никакой церковной власти, которая принуждала бы их к ортодоксальной точке зрения, поэтому история буддизма знает много случаев, когда учения подвергались сомнению. Почему же тогда, насколько известно, учение о карме и перерождении никогда не подвергалось сомнению? Думаю, потому, что карма и перерождение относятся не к сфере теории и философии, а к сфере переживания и восприятия. По мере того как великие йогины и мастера медитации наращивали духовное понимание и умение проникать в суть вещей, они всё яснее видели истинность этого учения. Возможно, они не постигли его так же полно, как сам Будда, но увидели достаточно, чтобы удостовериться в его истинности. Поэтому на Востоке опыт Будды и других просветленных учителей, которые сумели выйти за пределы возможностей обычного сознания, считается убедительным доказательством истинности кармы и перерождения. По крайней мере, практикующим буддистам это должно служить достаточным основанием для веры, пока они не смогут постичь истину кармы и перерождения напрямую.

Карма и перерождение — серьезная тема, но некоторое понимание этого учения необходимо для того, чтобы понять, кто такой Будда. Первый опыт видения природы реальности, который сделал Будду тем, кем он стал, вырос из непосредственного постижения действия кармы и перерождения. В ночь своего просветления, сидя под деревом бодхи, Будда испытал озарение и увидел всю цепь своих предыдущих

рождений — десятки тысяч предыдущих жизней. И не только это: он увидел уходящие в прошлое предыдущие жизни других живых существ. В эту ночь и последующие видел он и будущие их жизни, если возникало такое желание. Будда проповедовал принцип кармы и перерождения не как философское учение, не как итог логических умопостроений, а как нечто пережитое, увиденное воочию. Эта способность видеть предыдущие жизни, свои собственные и других существ, называется *пурваниваса-смрити*, буквально, «память о предыдущих обителях». Ее считают одной из пяти или шести *абхиджней*, сверхъестественных знаний, причем говорят, что, взяв за основу практику медитации, ее может развить любой, кто захочет приложить усилия.

